

На вопрос системы, прозвучавший в его сознании, Лин Чжи ответил решением остаться, а затем заставил её замолчать.

Он с улыбкой смотрел на юношу, который по меркам его настоящей жизни был совсем ещё мальчишкой.

— Что ж, раз уж ты теперь мой новоиспечённый парень, купи мне платье.

Лин Чжи поднёс к губам любовное письмо, которое всё ещё держал в руках, и легонько коснулся его поцелуем.

Кончики пальцев Сун Цзячжу неудержимо дрожали от волнения. Поцелуй Лин Чжи не коснулся его губ, но опьянил сильнее, чем если бы пришёлся прямо по телу. Словно сквозь плоть тот поцеловал саму его душу, его сердце. Пульс, казалось, вот-вот достигнет своего предела, и юноша чувствовал, как кровь несётся по венам с бешеной скоростью.

Сун Цзячжу поспешно закивал. Купит. Сколько угодно купит.

В его сознании мгновенно пронеслись образы всевозможных платьев. С тех пор как он однажды уже купил наряд для Лин Чжи, он стал обращать на них внимание.

— Сейчас пойдём по магазинам или закажем онлайн? — спросил он. — Я переведу тебе деньги.

— Не торопись, — усмехнулся Лин Чжи, — ещё успеешь заплатить.

Он аккуратно сложил любовное письмо и бережно убрал его обратно в милый конверт.

Лин Чжи вернулся в свою комнату, а Сун Цзячжу последовал за ним, не отставая ни на шаг.

Когда Лин Чжи открыл ящик письменного стола, чтобы положить туда письмо, Сун Цзячжу заметил свой брелок. Некогда пыльный плюшевый котёнок был выстиран и, хоть и не избавился от налёта времени, лежал в ящике, окружённый явной заботой.

Глаза Сун Цзячжу засияли. Ему показалось, что это его самого так бережно и трепетно хранят.

Лин Чжи включил кондиционер и попросил Сун Цзячжу принести два стакана воды.

Юноша тут же вышел. Наливая воду, он увидел, как Лин Чжи направился в ванную, откуда вскоре послышался шум.

Вернувшись в комнату со стаканами, Сун Цзячжу задумался, чем бы им поужинать. В первый день их официальных отношений следовало угостить партнёра чем-то особенным. Он заранее изучил возможные варианты, и теперь, когда начались каникулы, у них было достаточно времени, чтобы куда-нибудь сходить вместе.

«Чем заняться вечером, чтобы свидание получилось романтичным? Просто смотреть кино кажется скучным. Говорят, на площади Сиюань будет представление фокусника, интересно, понравится ли это Лин Чжи?»

Он так погрузился в свои мысли, что очнулся лишь от звука открывшейся двери ванной. Сун Цзячжу поднял глаза и замер, ошеломлённый.

Потрясение было столь сильным, что у него на мгновение отнялся дар речи. Он мог лишь неотрывно смотреть на Лин Чжи.

— Платье я уже купил. Теперь твоя очередь платить.

Лин Чжи вошёл и присел на край кровати. Его волосы были лишь наполовину высушены, и пар окутывал лицо лёгкой дымкой. Капли воды всё ещё стекали по шее.

Наряд Лин Чжи заказал в интернете несколько дней назад, дожидаясь сегодняшнего дня.

Он понимал, что инициатива должна исходить от него. Иначе, зная этого невинного парня, их близость могла бы состояться лишь в очень далёком будущем. Возраст юный, а мыслей в голове много, и все донельзя серьёзные.

Раз уж Лин Чжи стал частью его будущего, то перед уходом он должен сделать то, что в этом будущем и полагается делать.

Хоть у него и был фетиш на девственников, он не поощрял настоящую близость между старшеклассниками. Именно поэтому он до сих пор не переходил черту, иначе, захоти он, разве смог бы Сун Цзячжу устоять?

Юноша сглотнул и, услышав слова Лин Чжи, инстинктивно полез в карман, собираясь заплатить за это «платье», хотя его и нельзя было назвать одеждой в привычном смысле.

Наряд напоминал форму учениц времён Китайской республики — блузку и юбку, — но сходство было лишь поверхностным. Верхняя часть была выполнена из белого прозрачного шифона с синей отделкой по воротнику и манжетам. В тон ей была и длинная синяя юбка, сшитая из того же невесомого материала.

Даже этот оттенок ничуть не скрывал того, что под ним находилось.

Высокий воротник-стойка с традиционными застёжками-узелками был украшен изящной цветочной вышивкой у ключиц.

Это было желание — одновременно скрытое и откровенное, где в туманной дымке всё представало предельно ясным.

— Сколько тебе перевести? — голос Сун Цзячжу звучал ещё более хрипло, чем обычно.

Он невольно отвёл взгляд, уставившись на складки однотонного покрывала.

Под синей вуалью кожа партнёра казалась ослепительно белой. Не нужно было и всматриваться, чтобы понять, насколько она нежна.

— Тебе стоит спросить не «сколько», а «как» ты будешь платить. Стоя или сидя? Лёжа или на боку?

— Маленький немой, почему ты не смотришь на меня? Я надел это платье специально для тебя. Неужели некрасиво?

Лин Чжи наблюдал за ним с ленивой естественностью в позе, наслаждаясь смятием юноши. Даже после того, как Сун Цзячжу вновь обрёл голос, он сохранил это прозвище.

— Красиво, — сдавленно произнёс Сун Цзячжу, наконец встретившись взглядом с Лин Чжи.

Эти прекрасные глаза, обычно казавшиеся такими невинными, теперь смотрели на него насмешливо, порочно, соблазняяще. Словно диковинный цветок, источающий пьянящий сладкий аромат и притворяющийся безобидным, готовый поглотить без остатка.

— Тогда плати.

Лин Чжи чуть приподнял палец. Застёжка-узелок, и без того свободная на тонкой ткани, легко соскользнула, и наряд пополз вниз по плечам. Но из-за ширины края он лишь обнажил молочно-белые, округлые плечи и замер.

Лин Чжи протянул руку Сун Цзячжу. Он знал, что тот поймёт, какую «валюту» он имел в виду.

Юноша схватил его руку, в порыве чувств сжав её слишком сильно.

Заметив, как Лин Чжи скривился от боли, Сун Цзячжу тут же разжал пальцы и, словно успокаивая, поднёс ладонь к своим губам, подул на неё, а затем нежно поцеловал.

Его поцелуи проследовали от ладони к запястью и остановились на маленькой тёмной родинке, словно он был особенно привязан к этой метке, оставив на ней лёгкий след.

Юношеский пыл был подобен солнцу, которое никогда не закатится. И пусть за окном уже сгущались сумерки, раскрашивая небо багрянцем, он сиял, как на заре.

Лин Чжи был слегка поражён, вновь обнаружив, что события превзошли его ожидания.

Хоть он и прикидывал раньше, но никогда не сталкивался с этим напрямую. Он думал, что юноша, как ни крути, не сможет сравниться со взрослым мужчиной, но, очевидно, ошибался.

«Почему даже это у них одинаковое? Неужели синхронизация фрагментов личности распространяется и на такое?»

Это казалось немного нелогичным.

Чтобы не выходить из образа, Лин Чжи даже не подготовил всего необходимого заранее. На мгновение он пожалел об этом. Раз уж он играет роль бывшего извращенца, способного преследовать людей, стоило быть ещё более ненормальным. Собственный комфорт превыше всего.

Сун Цзячжу уловил его изумление и мимолётное желание отстраниться. Он нежно, но невероятно твёрдо сжал руку Лин Чжи и даже прижал ладонью его шифоновую юбку.

Даже самый невинный юноша, столкнувшись с таким поведением своего возлюбленного, не мог не испытать толику гордости.

— Маленький немой, ты же знаешь, я боюсь боли.

Сун Цзячжу подумал, что Лин Чжи хочет всё прекратить, и уже готов был уступить, но тут услышал его голос:

— Поэтому будь терпелив. Терпеливее, чем при решении самой сложной задачи по физике.

И в этот миг вся так называемая сдержанность юноши рассыпалась в прах.

Шторы в спальне тоже были из тюля, двухслойные, с витиеватым цветочным узором. Они надёжно скрывали комнату от посторонних глаз, но пропускали немного света. В уголке, где занавеска не была плотно задернута, поток воздуха от кондиционера заставлял её легко колыхаться, и свет танцевал вместе с ней.

Сун Цзячжу был человеком, способным выносить одиночество. Такова была его природа, позволявшая ему с лёгкостью концентрироваться на одном деле до тех пор, пока он не достигнет результата. Ни задача, требующая обращения к справочникам и исписанных черновиков, ни сложные лабораторные опыты не могли сбить его с толку.

Но сегодня всё было иначе.

Несмотря на то, что кондиционер в комнате был включён на самую низкую температуру, на его лбу выступила испарина. Он был сосредоточен и сдержан.

Его пальцы, всегда уверенно державшие химические приборы, были влажными. Даже на кончике языка ощущался слабый привкус крови.

Он не стеснялся использовать любые средства для достижения цели. Сун Цзячжу чуть качнул запястьем, глядя на подрагивающую под тонкой тканью спину Лин Чжи.

Лин Чжи лежал на подушке, вдыхая лёгкий аромат стирального порошка, исходящий от Сун Цзячжу.

В глазах юноши горел редкий собственнический огонь. Он, всегда отстранённый от мира, сейчас погрузился в него глубже, чем кто-либо другой.

Сун Цзячжу был настойчив до упрямства и любил действовать по заранее намеченному плану. Поэтому, лишь когда Лин Чжи сдался в первый раз, он позволил себе успокоить его, дождавшись, пока тот расслабится.

— Чжи-Чжи, ты мне так нравишься, — прошептал он, и в его тёмных глазах пылал огонь.

В самом начале их знакомства Сун Цзячжу думал: как такой плохой человек, как Лин Чжи, может так много плакать? Пусть даже эмоции были фальшивыми, слёзы-то были настоящими.

Позже слёзы Лин Чжи заставляли его сердце сжиматься от боли. Но он и представить не мог, что они могут вызывать и совершенно противоположное чувство.

Дешёвый шифон, но юный любовник щедро расплатился своей «валютой».

Лин Чжи растерянно смотрел на Сун Цзячжу. На этот раз он ничего не сказал, а «маленький немой» уже сам замкнулся в себе.

Из-за многолетней немоты Сун Цзячжу привык копить обиды в себе. Но чем сдержаннее человек, тем страшнее его взрыв. И чем он невиннее, тем упорнее будет его настойчивость.

С самого детства этот юноша был первым в учёбе. Из-за своего недостатка он был ещё более честолюбив, чем другие. Для него, перфекциониста, такая неудача была достаточным поводом, чтобы и через двадцать лет просыпаться по ночам и в гневе колотить по кровати.

Голос Лин Чжи срывался, звучал прерывисто и невнятно.

— Сун Цзячжу, если ты продолжишь в том же духе, ты утопишь суккуленты.

— Не утоплю, — хрипло ответил Сун Цзячжу. — Я забочусь о них очень бережно.

Последние отблески заката давно исчезли, оставив лишь густую темень ночного неба.

Скомканное шифоновое платье валялось в стороне, а Лин Чжи получил плату, многократно превышающую его стоимость. «Валюты» было так много, что она переливалась через край.

Один-два дня из отведённых семи пролетели незаметно.

Увидев на телефоне пропущенные звонки от родителей, Лин Чжи поспешно объяснил, что просто проспал всю ночь напролёт.

— Маленький немой, ты что, собака? — цыкнул он.

Сун Цзячжу лишь сияющими глазами смотрел на него, и всё его лицо выражало счастливое удовлетворение.

«Я принадлежу тебе», — показал он жестами.

Лин Чжи на мгновение замолчал.

— Как банально.

Сун Цзячжу тоже замолчал. Если бы не стеснялся, он бы сказал это вслух, а не показывал жестами.

— Раз уж можешь говорить, не притворяйся немым, — насмешливо бросил Лин Чжи. — Хватит смелости — скажи это словами.

Сун Цзячжу, казалось, смутился. Лин Чжи отвернулся, собираясь встать с кровати и обуться,

как вдруг его талию обвила рука. Его потянули назад, и он уткнулся в грудь Сун Цзячжу.

У самого уха раздался хриплый юношеский голос, сопровождаемый тёплым дыханием:

— Лин Чжи, я принадлежу тебе.

В полутёмной комнате обещание юноши звучало вечностью.

Лин Чжи опустил глаза, и в его взгляде промелькнули искорки.

В последний день своего пребывания здесь Лин Чжи, как и планировал, отправился с Сун Цзячжу в горы.

Когда 01 начал обратный отсчёт, он посмотрел на идущего рядом Сун Цзячжу.

— Сун Цзячжу, выпускные экзамены — это не конец.

Сун Цзячжу с недоумением посмотрел на него. Конечно, он знал. Это было лишь начало их будущего.

Но его недоумение быстро рассеялось. Прямо посреди толпы Лин Чжи приблизился и поцеловал его. Лицо Сун Цзячжу тут же озарилось изумлённой, счастливой улыбкой.

Под стук собственного сердца он услышал слова прощания:

— Увидимся в следующем пункте назначения.

Жизнь — это путешествие с неизвестным концом, но нам суждено встретиться вновь.

<http://bllate.org/book/15821/1439824>